

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Редакционный совет журнала и научная редакция «История» продолжают публикацию статей и документов о жизни и творчестве крупнейшего сибирского ученого и общественного деятеля Григория Николаевича Потанина (см. № 266, 268 «Вестника ТГУ»), Представленные новые материалы дают возможность лучше понять путь его идейного становления. Он написал воспоминания о своих духовных учителях, однако заметки о Н.Г. Чернышевском остались при советской власти не обнародованными, хотя уважение создателя областнической доктрины к лидеру российской демократии вполне очевидно — быть может, причина замалчивания кроется в «неортодоксальных» социалистических взглядах Потанина. Не менее очевидна и ложность ходячего представления о нем как политическом сепаратисте: даже в ранний период его деятельности это не соответствует фактам, которые скорбно свидетельствуют о мифах, собою подменяющих историю. О любой мелочи должно говорить объективно.

Автобиография В.И. Моравского, казалось бы, не имеет прямого отношения к блоку собственно потанинских материалов, но даже гений не творит в одиночестве: у него есть опыт предшественников, соратники и враги, так или иначе на него воздействующие, и его дело воплощается в последователях. Остается несомненной связь родины и диаспоры. Так, В.И. Моравский, государственный секретарь первого сибирского правительства, был и редактором-издателем последней областнической газеты - «Нашей газеты», вышедшей в начале 1930-х в Харбине.

Г.Н. Потанин

<О Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ>

Публикация и комментарии Н.В. Серебренникова

Впервые публикуются воспоминания идеолога областничества о «владельце умов» российской демократической молодежи 1860-х

Знакомство Потанина с Чернышевским в глазах историка имеет некоторые странности: Потанин пишет, что «оно ограничилось только двумя встречами», однако сообщает лишь об одной и оговаривает, что знакомство «оборвалось на первом свидании».

О том, что происходило на собраниях сибирского землячества, Чернышевский был осведомлен¹. Предположительно, он мог знать об этом через своего шурина Р.С. Васильева, в 1860 г. окончившего медико-хирургическую академию (т.е. учившегося с посещающими кружок сибиряками²): упомянутый в «Воспоминаниях» «студент-кавказец» Васильев, знакомство с коим весной 1859-го «продолжалось недолго»³, вряд ли тот же, о котором в письме от 26 августа 1860 г. ко вхожему в круг журнала «Современнику» Н.С. Щукину говорится, что Васильев оставался по окончании учебы «в педагогических классах год в Петербурге»⁴; по распределению шурин Чернышевского должен был отправляться в родное Потанину Семиречье, под Семипалатинск⁵, и было естественным узнать о новом месте у того, кто прожил там всю жизнь и стал среди студентов столицы уже заметной фигурой.

Как бы то ни было, тема «Потанин - Чернышевский» может таить в себе любопытные отгадки темных мест потанинской биографии. В сопроводительном письме Потанина сказано: «Что мог, написал», - вероятно, что-то не хотел написать и из того, что знал? кое-что Потанин не желал договаривать даже много лет спустя, как допустил и странную для него фразу: «Весной <1861> я куда-то уехал из Петербурга...»⁶; он мог сбиться в годах, но помнил, где бывал, до мельчайших деталей и через полвека, а тут вдруг оставил любимую учебу, но почему - даже вспоминать не хотел⁷.

Записки публикуются впервые - с сохранением особенностей. Подпись: «Г. Потанин». Подлинник: Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ; Москва). Ф. 1 (Н.Г. Чернышевский). Оп. 1. Ед. хр. 616. Л. 1-11. Судя по автографу, мнение о якобы почти ослепшем в 1914 г. Потанине следует полагать очень преувеличенным.

¹Из характеристики Чернышевского, данной другом Потанина, видно, что Чернышевский пристально следил «за движениями среди молодежи» и хорошо обо всем знал (Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 465). В воспоминаниях Н.М. Ядринцева «влиятельный журналист Ч», пошутивший над одним из диспутов сибирского кружка, конечно, Чернышевский (Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1979. С. 300).

²Имеются в виду братья И.А. и М.А. Селетовы, настроенные радикально-демократически: на следствии по делу сибирских сепаратистов у них были обнаружены «издающееся в Лондоне «Общее вече» и разные рукописные стихи - противуправительственного направления» (Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002. С. 327). Следует помнить и о бывшем студенте Розенштейне: он, по материалам жандармерии, «бывши в Париже, читал будущность <sic>, которую, - сообщает, - надо более распространять» (там же. С. 122).

³Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. С. 109. Ср.: Письмо Потанина Л.Ф. Пантелееву от 5 декабря 1913 // Потанин Г.Н. Письма. Т. 5. Иркутск, 1992. С. 117.

⁴Там же. Т. 1. Иркутск, 1987. С. 52.

⁵См.: Письмо Чернышевского родным от 2 августа 1860 // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1949. С. 400.

⁶Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 116. Он предпочел скрыть поездку в Новгород, которую П.П. Семенов (Тян-Шанский) спустя тридцать пять лет отметил даже в академической работе (Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845-1895. Т. 1. СПб., 1896. С. 281).

⁷Лекции Потанин посещал лишь один семестр, «во второй половине 1859 года...» (Письмо попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Делянова шефу жандармов В.А. Долгорукову от 11 августа 1865 г. // Дело об отделении Сибири от России. С. 256). В 1861 г. он был вполне готов написать то, что написал в письме А.Д. Шайтанову от апреля 1863-го: «Не слыхом мечтайте о научных целях, о том, чтобы самому произвесть переворот в науке или хоть пополнить пробелы ее. На это есть немцы <...> изучайте законы революции и реакции и политических переворотов...» (Потанин Г.Н. Письма. Т. 1. С. 65-66) (подчеркнуто в жандармерии). Пора уйти от утверждений, появившихся сразу по его возвращении в Сибирь, что «в 3 года Потанин прослушал в Петербургском университете курс физико-математических наук...» (Стеклов Ю.М. Комментарии // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 4. М., 1935. С. 575).

Мне не удалось расширить свое знакомство с Николаем Гавриловичем¹ Чернышевским до более крупных размеров, и оно ограничилось только двумя встречами с ним. Тем не менее я берусь за перо, надеясь заинтересовать читателя рассказом, свидетельствующим, как молодые силы России в 50^x—60^x годах из отдаленных захолустьев тянулись к свету, появившемуся на берегах Невы в лице даровитого публициста. В Омске молодым казачьим офицером я познакомился с Вас<илием> Пет<рови-чем> Лободовским, другом Николая Гавриловича, который мне много хорошего рассказал о Чернышевском и обрисовал его гуманную личность². Я уже тогда имел некоторое понятие о его журнальной деятельности. Меня заинтересовала его полемика с политико-экономистом Вернадским по поводу русской земельной общины³. Мое внимание к фактическому содержанию этой статьи было приковано прежде всего тем обстоятельством, что я в ней нашел новые данные для сознания национального обособления; и останавливаясь⁴ над вопросом, в дурную или хорошую сторону ведет это обособление. Мне было приятно убедит<ь>ся, что к чертам физиономии русского народа, представление о котором составилось раньше, прибавилось новое, отличающее нас от других народов Европы. С того времени я сделался другом русской общины, стал читать литературу о ней и при всяком случае старался собрать личными наблюдениями новые о ней данные. Мне захотелось лично посетить самую замечательную из русских общин, которые нам известны <sic> под трудно перевариваемым названием «Уральское казачье войско». Это мне и удалось впоследствии исполнить: я посетил эту общину два раза <sic> с промежутком между ними в тридцать лет⁵.

Из всего, что я слышал о Чернышевском, у меня еще в Омске составилось о нем представление как о личности необычайно примечательной. Казалось, что попасть в среду, окружающую этого человека, значило переселит<ь>ся в какой-то другой мир - мир света, где нет будничных интересов, значило испытать на себе перемену, подобную той, которую переживает на себе человек, ушедший на горные вершины, где он дышит чистым непорочным воздухом, а не затхлым воздухом долин, отягощенным житейскими испарениями.

Лободовский обещал мне дать рекомендательное письмо к своему другу, но мне не удалось запастись этим письмом, потому что пришлось поехать в Петроград не прямо из Омска, а предварительно поехать в Томск и там прожить целый год⁶. Когда окончательно вырешилась возможность выезда из Сибири в столицу, мне не осталось достаточно времени, чтобы снести по почте к Лободовским и попросить его выслать мне письмо к Чернышевскому. Не в меру самонадеянный молодой человек, по приезде в Петроград я, не откладывая своего намерения в долгий ящик, решил в первые же дни своего пребывания в столице отправит<ь>ся в Туллубьев переулок, где жил тогда Чернышевский⁷. Я и тени не допускал возможности наткнуться на какое-нибудь недоразумение. Я мечтал, что с первых же слов моего разговора Чернышевский поймет, что за фигура стоит перед ним. И еще бы, у него такой пронизательный ум, а у меня такое горячее искреннее без задоринки стремление служить истине <si>O. Я думал, что с первых же дней у меня с Чернышевским установятся такие же отношения пламенно преданного ученика учителю, какие у меня образовались в Томске с М.А. Бакуниным⁸.

Но вышло не так, как я предполагал. Чернышевский вовсе мной не заинтересовался. Я смутился, оттого что он не задал мне никаких вопросов о моих планах, и ушел от него растерянный. Месяца через два проф<ессор> Кавелин, знакомство с которым у меня совершилось более удачно⁹, сказал мне, что он намерен поручить заботы обо мне на время его отсутствия Чернышевскому. Я попросил не делать этого, рассказав ему о моем провале. Тогда я был очень молод и слишком самоуверен, думал, что обойдусь собственными силами без авторитетной опеки. Думая и теперь, что такое гордое, заносчивое поведение было бесполезно для формирования характера, я все-таки, в течение всей своей жизни, жалел, что знакомство с Чернышевским оборвалось на первом свидании.

Я пробыл в Петербурге четыре года и в течение двух лет до ссылки Чернышевского в Сибирь¹⁰ мог бы многому от него научиться. Впрочем, мое высокое мнение о нем после этого случая несколько не поколебалось. Я жил в студенческой среде, в которой его боготворили, встречался со многими людьми, бывавшими на его многочисленных журфиксах и передававших рассказы об этих собраниях, на которых присутствовало много офицеров; Чернышевский, рассказывали, был очень хорошего мнения об этом классе людей и говорил, что они сыграют важную роль в истории России¹¹.

Когда Чернышевский был увезен в Сибирь, нам, почитателям его, пришлось питаться только преданиями о нем. Рассказывали, что, когда его арестовали, он говорил своим друзьям, что у него все бумаги в исправности и что они могут не беспокоиться ни за его, ни за свою участь¹². Ходила легенда, что жандармы пытались связать его дело с большим пожаром, предшествовавшим его аресту, но никаких оснований связать этот пожар с Чернышевским не было¹³.

Будто в качестве обвинения предъявляли к нему записку, написанную будто бы им; в записке он предлагал кому-то денежную сумму для основания тайной типографии, о записке говорили, что она фальшивая, определенно называли лицо, которое, будучи подкуплено жандармами, написало ее, подделываясь под почерк Чернышевского¹⁴.

Улик против Чернышевского так было мало, что подшили к делу и роман «Что делать», и в нем нашли какую-то крамолу против империи¹⁵. Конечно, мы понимали, что журнальная деятельность Чернышевского была ожесточенной атакой против шайки людей, командующей государством, но эта кампания велась им в открытой борьбе без связей с подпольем¹⁶. Он представлялся нам мучеником, а поступок правительства коварным вероломством.

И вся его долгая жизнь в ссылке была одним сплошным подвигом, беспримерным в русской жизни¹⁷. Подобную настойчивость и крепость духа можно найти разве только среди старообрядцев.

В одном из своих сочинений, я разумею очерки русской критики гоголевского периода¹⁸, Чернышевский рассказывает о первых русских публицистах, скрывавшихся под маской критиков, о Николае Полевом и о Надеждине; «завиральное» направление Полевого было пресечено жандармами, ему пригрозили карами, и он свое критическое отношение к условиям русской жизни круто заменил патриотической литературой¹⁹. Подобное случилось и с Надеждиным, хотя с меньшим конфузом: его несколько раз ссылали за его не-

желательные проповеди, и когда наконец его упрятали в Усть-Сысольск, он покорился и обещал превратиться в барашка²⁰. Он отказался от антагонизма с официальным патриотизмом, ушел в з'анятия русской знографи<е>й и умер статским советником.

Следовавший за ними Чернышевский, как будто имя в виду проявить совершенно противоположные душевные качества в течение своей долгой ссылки, с упорством расколуучителя отклонял от себя всякие предложения помириться с гонящей властью.

Гонителям очень хотелось вырвать из его уст прошение о помиловании, но он гордо отвечал им, что он не знает за собой проступка, прощения которого он должен вымалывать²¹.

Величие этого духа производило на меня такое сильное впечатление, что я и потом, в восьмидесятих годах, нисколько не сомневался, что как только он очутился у печатного станка, он снова заговорит с Россией тем же властным языком, каким говорил в начале шестидесятих годов.

Во время моих странствий по Монголии и Китаю я иногда заводил спор со своим спутником Березов-

ским²², настаивая на том, что Чернышевский выйдет из ссылки с ненадломленными силами и займет принадлежавшее ему первенствующее место в русской публицистике. Березовский оспаривал мое мнение и говорил, что жизнь за время его ссылки ушла далеко вперед и он почувствует себя среди выступивших после него публицистов устаревшим. Эта мысль меня занимала и после того, когда Чернышевский вернулся в Саратов²³. Я, как-то гуляя в саду царскосельского дворца с Пыпиным²⁴, попытался навести его на эту тему. Он сам ответил: «да, нервы у человека разбиты, вот до какой степени они у него ослабели: шел с ним разговор о европейской жизни, о новых направлениях в европейской литературе и т<ому> под<обном>, Чернышевский сказал: «перебирая выдающиеся имена, пристально вглядываясь в лица, приходится придти к печальному заключению, что разве только найдется во всей Европе пять-шесть мыслителей, которых можно назвать искренними друзьями человечества», - и Чернышевский, высказав это с душевным волнением, заплакал. Нервы его вконец потрясены».

Огаа Николая Гавриловича, священника, звали *Гавришлом*, но сын предпочитал официально именоваться: «Николай *Гаврилов* сын Чернышевский».

Лободовский Василий Петрович (1823-1900) - литератор. Ближайший товарищ Чернышевского по студенчеству в С.-Петербургском университете; в 1852-1857 гг. преподавал русский язык и литературу во 2-м кадетском корпусе С.-Петербурга (в 1854-м служил вместе с Чернышевским), с 1857 г. - в Омске в Сибирском кадетском корпусе. 12 и 28 сентября 1848 г. Чернышевский написал в дневнике: «В.П. истинно великий человек. Велик по сердцу, может быть, еще более, чем по уму <...> я чувствую, что я перед судьей, который может судить и который по праву судья надо мной <...>» // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1939. С. 115, 135, - а в письме М.Л. Михайлову от 25 января 1851 г. признался: «... это человек, которого я люблю от души и уважаю, как никого почти; я его так уважаю, что в разговоре с ним конфужусь за свой ум, чего со мною не бывает в других случаях никогда. <...> Я его ставлю на одну доску с Диккенсом, Ж. Зандом, своим приятелем Louis Blanc ом, Лессингом, Фейербахом <...> это гениальный человек» // Там же. Т. 14. С. 216. Влюбившись в жену Лободовского, Чернышевский стал относиться к другу критичнее и это перенес потом и на его супругу В беллетристических воспоминаниях «Бытовые очерки» Лободовский мелком и несколько иронично вывел Чернышевского под именем Крушедолина: Русская старина. 1905. №2. С. 376, 379; о Сибирском кадетском корпусе см.: Там же. № 9-10; у Чернышевского в «Современнике» он это и собирался опубликовать, - см. единственное известное письмо Лободовского Чернышевскому - от 27 мая 1862 г.: *Чернышевский Н.Г.* Литературное наследие. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 404. Рассказы Лободовского о Чернышевском в передаче Потанина см.: *Потанин Г.Н.* Воспоминания... С. 120-121. Ценил Потанина как лучшего ученика (см.: Письмо Н.М. Ядринцева Потанину от 23 ноября 1864 // Там же. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 235), хотя в корпусе в те годы не преподавал. После столкновения Н.М. Ядринцева с Лободовским Потанин переменял к нему отношение, - см.: Письмо Потанина Ф.Н. Усову от последних чисел ноября - начала декабря 1864 // *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 1. С. 69; датировка 8/20 ноября выглядит ложной, поскольку стычка произошла 11 ноября по старому стилю (см.: Письмо Н.М. Ядринцева Потанину от 23 ноября 1864... С. 234) и потанинское письмо написано явно после получения письма от Н.М. Ядринцева.

Вернадский Иван Васильевич (1821-1884) - экономист. Адъютант Киевского (1846-1850) и профессор Московского (1850-1856) университетов, в 1856-1867 гг. чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел, в 1857-1859 гг. профессор Главного педагогического института, в 1858-1861 гг. издатель еженедельника «Экономический указатель» (СПб.), в 1861-1868 гг. преподаватель в Александровском лицее, в 1868-1876 гг. директор харьковской конторы госбанка и товарищ председателя харьковского статистического комитета. Отец биогеохимика В.И. Вернадского. Обзор прямой и косвенной полемики Чернышевского и И.В. Вернадского в 1857 г. см.: *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 2. Саратов, 1984. С. 197-205. Потанин имеет в виду более позднюю статью «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Современник. 1858. № 12), где говорится: «Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа»; тем не менее, полагая, что «повсюду высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытной форме», Чернышевский пришел «к возвышению общинного владения над частною поземельною собственностью», к выводу, что «общинное владение должно быть и высшею формою <...> отношений человека к земле», и к утверждению: «Общинное владение землею должно быть удержано в России» // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1950. С. 362, 376-377, 379, 389. Потанин сделал вывод более оригинальный, - см. текст воспоминаний ниже. Создатель областнической поправки к социалистической теории был убежден, что реальный общинный «кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец» из снов о светлом будущем, изображенных Чернышевским в романе «Что делать?» - Письмо Потанина Н.М. Ядринцеву от 1 августа 1872 // *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 1. С. 120.

Интересно, что в рукописи глагол сперва стоял в настоящем времени: «останавливаюсь» (Л. 2).

Потанин побывал в Уральском казачьем войске в 1862 и 1895 гг.

Крайне стесненный в деньгах, Потанин сначала поехал на восток - в Томскую губернию, надеясь заработать их на золотом прииске. В Томск он прибыл 9 мая 1858 г., а оттуда, после неудачного пребывания на прииске, выехал в 20-х числах января 1859-го в Барнаул и с золотым караваном выбрался в Петербург, где оказался 9 марта.

Потанин спутал название переулка с названием дома: Чернышевский жил в Поварском переулке в доме Тулубьева.

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) - анархист. В 1857-1859 гг. жил в томской ссылке. По протекции Бакунина Потанин был пристроен к золотому каравану: см. прим. 6. В рекомендательных письмах от 21 января 1859 г. М.Н. Каткову в Москву и кузинам в Петербург Бакунин дал Потанину лобопытную и точную характеристику и пророчески назвал его «сибирским Ломоносовым» // *Бакунин М. А.* ... С. 296-298. Сохранилось письмо Потанина Бакунину от 1860 г., не нашедшее адресата. *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 1. С. 53. Потанин посвятил ему ряд страниц в «Воспоминаниях» (См.: Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 87-90, 102-104) и хотел вывести под именем Боконова в совместном с Н.М. Ядринцевым романе, - см.: *Потанин Г.Н.* Тайжане. Историко-литературные материалы. Томск, 1997. С. 89-90, 93-94, 99, 118-120.

Кавелин Константин Дмитриевич (1813-1885) - историк, правовед. В 1857-1861 гг. профессор С.-Петербургского университета по кафедре гражданского права Потанин познакомился с ним через П.М. Бакунину, кузину М.А. Бакунина, и после поддерживал добрые отношения

- ¹¹Потанин прожил тогда в Петербурге не четыре года, а, не считая отлучек, около трех с половиной - с марта 1859 г. по осень 1862-го. Чернышевского арестовали 7 июля 1862 г. и отправили из столицы в Сибирь 20 мая 1864-го, так что вновь приходится говорить не о двух годах возможных контактов, а о тех же трех.
- ¹²Согласно донесению агентов III отделения от 15 ноября 1861 г., для бесед «Чернышевский назначил каждую среду от 11 до 3 часов, и в этот день у него бывает чрезвычайно много посетителей, не исключая офицеров»; уточнялось, что, в основном, это «молодые офицеры артиллерийского и инженерного ведомства» // Дело Чернышевского: Сб. документов. Саратов, 1968. С. 71, 153.
- ¹²При аресте Чернышевского «у него были Антонович и доктор Боков, которые ушли в другие двери» // Там же. С. 143. Антонович Максим Алексеевич (1835-1918) - литературный критик, соредатор журнала «Современник». Боков Петр Иванович (1835-1915?) - врач. Бумаги самого Чернышевского действительно оказались «в исправности», но были изъяты эмигрантские письма Л.И. Мечникова, а также письмо А.И. Герцена и Н.П. Огарева Н.В. Шелгунову, письма П.А. Гайдебурова и И.М. Красноперова, профессоров И.Е. Андреевского и Н.И. Костомарова, могущие навредить на Н.В. Шелгунова и далее упомянутых серьезные неприятности; во всяком случае, арестованные в 1863 г. по другим политическим мотивам, Н.В. Шелгунов и И.М. Красноперое поплатились - И.М. Красноперое провел в тюрьме четыре года, а Н.В. Шелгунов отбыл пятнадцать лет в тюрьме и ссылке, причем косвенная связь его наказания с делом Чернышевского кажется несомненной, - он обвинялся в связях с В.Д. Костомаровым (см. прим. 14), М.Л. Михайловым и «вредном образе мыслей» - Письмо Н.В. Шелгунова Л.П. Шелгуновой от 18 сентября 1866 // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания. Т. 2. М., 1967. С. 207.
- NB: Арестант И.М. Красноперое считался почти женихом будущей жены Потанина (см.: *Лаврский В.В.* Заметки к биографии А.В. Потаниной // *Волга*. 1990. № 12. С. 151): в 1863-1867 гг. Александра Викторовна в Казань «раза два-три в году приезжала с матерью и младшей сестрой Антониной В<икторовной>, нанимала на месяц квартиру близ острога и чуть ли не ежедневно приходила в острог к своему брату», К.В. Лаврскому // *Красноперое И.М.* Записки разночинца. М.-Л., 1929. С. 106. С Потаниным она познакомилась при схожих обстоятельствах, проведая брата в вологодской ссылке.
- ¹³Наиболее точную документальную сводку о петербургских пожарах, длившихся с 16 мая по 19 июня 1862 г., см. в романе В.В. Крестовского «Панургово стадо» (ч. IV, гл. XIX-XXIII): *Крестовский Всеволод*. Кровавый пуф. Кн. 1. М., 1995. С. 555-585. В деле Чернышевского единственная фраза о пожаре принадлежит обвиняемому: «...существовало против меня множество других подозрений. <...> что я даже был участником поджога Толкучего рынка (в конце мая 1862)» // Дело Чернышевского... С. 309. Слухи о связи Чернышевского с поджогами были прочными. Агент III отделения сообщил: «В день пожара, 28 числа, когда горел Толкучий рынок, к Чернышевскому приходило очень много лиц <...> Собравшись вместе, они были чрезвычайно веселы...» - причем швейцар заявил: «А ведь они должны знать, кто поджигает» // Там же. С. 105. Чернышевский вспоминал, как Ф.М. Достоевский сказал ему: «Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения...» (*Чернышевский Н.Г.* Мои свидания с Ф.М. Достоевским // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. т. 1. С. 777); визит Ф.М. Достоевского к Чернышевскому Л.Ф. Пантелеев считал очень характерным свидетельством, насколько «в обществе существовало убеждение в причастности Чернышевского даже к крайним революционным проявлениям...» // *Пантелеев Л.Ф.* ... С. 301, прим. Из донесения агента III отделения от 13 июня 1862 г.: «Вчера в одном магазине сошлись несколько литераторов <...> все присутствовавшие с негодованием выражались об адской системе возмутителей - действовать посредством пожаров - и удивлялись слабости распоряжений со стороны правительства. «Неужели оно, - прибавил <Ф.А.> Кони, - не может еще убедиться, что главное зло заключается в Гиероглифове, Чернышевском, Елисееве и компании этих грязных негодяев?!» // Дело Чернышевского... С. 106.
- ¹⁴Имеется в виду Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837-1865), поэт-переводчик; в 1861 г. арестован, в 1863-м из отставных корнетов разжалован в рядовые. О предательской роли Костомарова в деле Чернышевского стало быстро известным. Согласно показаниям Костомарова, Чернышевский дал ему 200 рублей на устройство подпольной типографии для печати прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», что Чернышевский отрицал, как отрицал и свое авторство воззвания, и авторство своей записки к Костомарову о наборе текста и своего письма к нему, - но графологическая экспертиза, несмотря на обоснование подделки, данное Чернышевским (см.: там же. С. 325-328), пришла к выводу, что «было сделано умышленное извращение почерка», однако «и в отдельных буквах сей записки, и в общем характере почерка ее есть совершенное сходство с почерком руки Чернышевского» (там же. С. 338, 413), авторство же письма было признано очевидным, - см.: там же. С. 362. Несмотря на то, что прокламация включена в корпус произведений Чернышевского, ее точная атрибуция ввиду разноречивых источников представляется более сложной. В.Н. Шульгин обратил внимание на фразу письма: «О вашей благотворительности в пользу дворовых пишу к Алексею Николаевичу», т. е. Плещееву, - и попытался прояснить, о чем идет речь: «Дворовых - барских крестьян - никогда не было у полунищего Костомарова. <...> Не намекает ли это на прокламацию «Барским крестьянам»? <...> Может быть, Чернышевский хотел заплатить за печатание прокламации, а Костомаров отказывался?» // *Шульгин В.Н.* Очерки жизни и творчества Н.Г. Чернышевского. М., 1956. С. 43.
- ¹⁵Роман «Что делать?» упоминается только в прошении Чернышевского к Александру II и безотносительно к «Делу...». По разбору же литературской деятельности Чернышевского, представленному В.Д. Костомаровым, комиссия дала вполне добротный анализ, в котором обвиняемый смотрелся проводником «материального фатализма» и социализма к коммунизму: «По учению первой теории, человеческие деяния совершаются <...> исключительно неодолимою силою среды <...> Таким образом, уничтожается нравственная *вменяемость* человеческих деяний. Если нет в человеке свободной нравственной воли и деятельности, тогда нет греха, нет преступления <...> кстати, замысел романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» возник в это же время! - #.С.> преступник есть только *жества общества* <...> Изложенная теория <...> была бы способна произвести в государстве увеличение числа преступлений <...> Должны быть даны новые учреждения, имеющие целью перевести ценности только в руки лиц, вносящих в общество *труд*, *лишив* ценностей лиц, которым принадлежат капиталы <...> должно отринуть, отказать в бытии, уничтожить в обществе и учении все основанное на духовности во всех сферах: в семье, в гражданстве, в государстве <...> Проповедуемое им вредное учение было усвоено неопытному молодёжью, которая, проникшись новыми идеями, пожелала осуществить их на деле путем опасной пропаганды <...> прокламации суть как бы вывод из статей Чернышевского, а статьи его - подробный к ним комментарий» // Дело Чернышевского... С. 346,350,352,354.
- ¹⁶Сомнительно, чтобы Потанин не знал или хотя бы не догадывался о прочной связи Чернышевского с революционным подпольем - особенно в ту пору, когда писал очерк. Ср. свидетельство землевольца Л.Ф. Пантелеева: «... у меня не было никаких веских данных относительно участия Н.Г. в нелегальных проявлениях тогдашнего общественного движения, имелись только некоторые намеки, догадки и ничего более» // *Пантелеев Л.Ф.* ... С. 466.
- ¹⁷В 1864-1883 гг. Чернышевский находился на каторге в Усолье (под Иркутском), на Нерчинском Заводе (на границе с Китаем) и на поселении в Вилюйском остроге (в Якутии).
- ¹⁸Имеются в виду «Очерки гоголевского периода русской литературы»: *Современник*. 1855. № 12; 1856. № 1-2, 4, 7, 9-12. Потанин, точно не помня и потому не заковычивая, быть может, контаминирует название работы Чернышевского с названием полемической и в то время не менее известной работы А.В. Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения».
- ¹⁹Полевой Николай Алексеевич (1796-1846) - прозаик, литературный критик, историк. Журнал братьев Полевых «Московский телеграф» закрыли в 1834 г. после критической рецензии Н.А. Полевого на драму Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Демократическое направление деятельности Полевого сменилось сотрудничеством в журналах безыдейных и охранительных ориентации. В его оценке Потанин отчасти опирается на суждения Чернышевского, - см.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1947. С. 23.
- Говорить о Полевом и Н.И. Надеждине как о «публицистах, скрывающихся под маской критиков», значит слишком принижать их собственную литературно-критическую позицию, особенно Н.И. Надеждина как выдающегося теоретика литературы. Здесь Потанин расходится с их высокой оценкой Чернышевским, - см.: там же. С. 163-164.
- ²⁰Надеждин Николай Иванович (1804-1856) - эстетик, литературный критик, этнограф. Его журнал «Телескоп» закрыли в 1836 г. за публикацию «Философического письма...» П.Я. Чаадаева, сослав редактора в Усть-Сысольск, а после в Вологду. Потанин ошибается: Надеждин в ссылке был лишь однажды - в 1837-1838 гг.

- ²¹ Бывший адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Г.В. Винников так передал мотивировку отказа: «Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, - а об этом разве можно просить помилования?» - *Кокосов В. К* воспоминаниям о Н.Г. Чернышевском // Русское богатство. 1905. № 11-12. С. 172 последней пагинации.
- ²² Березовский Михаил Михайлович (1849-1912) - орнитолог. Участвовал в экспедициях Потанина в 1876-1877, 1884-1886, 1892-1893 гг. Разговор о Чернышевском происходил, разумеется, во время монгольской экспедиции 1876-1877 гг. Вместе с В.Л. Бианки написал книгу «Птицы гансуйского путешествия Г.Н. Потанина...» (СПб., 1891). Потанин посвятил Березовскому некролог (см.: *Сибирская жизнь*. 1912. 8 мая. № 102) и главу в «Воспоминаниях», - см.: Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 104—115.
- ²³ Очевидно, имеется в виду приезд в Астрахань (27 октября 1883), а не приезд на родину (27 июня 1889), состоявшийся за четыре месяца до смерти, - см. прим. 24.
- ²⁴ Пыпин Александр Николаевич (1833-1904) - литературовед, историк этнографии. По матери двоюродный брат Чернышевского. Разговор о Чернышевском произошел скорее всего в первых числах июля 1887 г., - см.: Письмо Потанина Пыпину от 29 июня 1887 // *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 4. Иркутск, 1990. С. 73. Потанин помог ему в сборе сведений для «Истории русской этнографии» (4 тт.; 1890-1892), где тот, используя автобиографическую заметку Потанина, отметил, что в сравнении с заслугами Н.М. Пржевальского труды Потанина «менее громки, но более разнообразны и богаты...» // *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 4. СПб., 1892. С. 305; см. также: С. 307. Сохранились 22 письма Потанина Пыпину от 1887-1903 гг.: *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 4-5. Иркутск, 1990, 1992. 50-летие литературской деятельности Пыпина Потанин приветствовал статьей «Юбилей»: *Сибирская жизнь*. 1903. 25 марта. № 68.

Г. Н. ПОТАНИН - В.А ПАВЛОВУ

27/IV<—1917>

Многоуважаемый Владимир Алексеевич!

Что мог, написал. Если не годится, можете без церемонии бросить в корзину. Думаю что-нибудь предпринять, чтобы и у нас отметить день 21 мая.

Готовый к услугам

Григ<орий> Потанин.

Публикуется впервые. Подлинник: РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 616. Л. 12.

Павлов В.А. - профессор медицинского факультета Саратовского университета, в 1917 г. организовавший общество Чернышевского, существовавшее лишь с мая по осень (сердечно признателен за справку А.А. Демченко и Б.Ф. Егорову).

Соответственно приложенному к воспоминаниям письму записки о Чернышевском датируются приблизительно 27 апреля 1917 г.: дела в долгий ящик Потанин не откладывал.

Вечер в память Чернышевского организовал Г.Н. Потанин. В своей речи он назвал Николая Гавриловича народным трибуном, заявив: «Ни один редактор не становился так близко к читающей толпе, как Чернышевский, ни один писатель так властно и без церемоний не говорил с нею». - *Потанин Г.* Чествование памяти Н.Г. Чернышевского // *Сибирская жизнь*. 1917. 16 мая. № 102. С. 2. В Саратов пришли приветственные телеграммы: «В день благодарного воспоминания о великой жертве, принесенной за русский народ саратовским гражданином Николаем Гавриловичем Чернышевским <...> принявшим на себя тяжелый крест 20-летней каторги и ссылки в Сибири за проповедь народо-властия, совет университета <...> шлет горячий привет гражданам Саратова в твердой вере, что идеалы Чернышевского <...> первого проводника научного социализма, поведут нашу родину по пути культурного развития...» - исполняющий должность ректора Томского университета В.Н. Саввин; «Совет Томского технологического института вместе со всей Россией вспоминает светлую личность Николая Гавриловича Чернышевского, указавшего человечеству новые пути достижения счастья...» - профессор И.И. Боборыков; «Благоговейно преклоняемся перед именем великого гражданина, борца за Россию, яркого светоча науки опальной», - от редакции газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианов, А.Н. Шипицын, Б.П. Иванов. - *Демченко А.А.* Общество имени Чернышевского в Саратове // Пропагандист великого наследия. О работе музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. Вып. 2. Саратов, 1990. С. 127-128.

Материал представлен кафедрой общего литературоведения филологического факультета Томского государственного университета, поступил в научные редакции «История» и «Филология» 10 ноября 2002 г.